

18+

Сальма Хахук

ПРОКЛЯТИЕ ЗОЛОТОГО ЗУБА

1 книга

Сальма Хахук

Проклятие

золотого зуба. 1 книга

<https://litres.ru/74543429>

ISBN 9785007132329

Аннотация

Всё начинается со взрыва.

В центре Берлина, на церемонии награждения филармонического оркестра, взлетает на воздух ратуша. Бургомистр Фридрих Фогель исчезает без следа. На месте преступления находят золотой зуб, карту Берлина, разрезанную на семь частей, и надпись на стене, выложенную гвоздями: «Кто ищет — тот найдёт. Кто найдёт — тот умрёт».

Содержание

ПРОЛОГ	6
1 глава	21
1 ГЛАВА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАБИНЕТ	22
БУРГОМИСТРА	
2 глава	27
ГЛАВА ВТОРАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Проклятие золотого зуба

1 книга

Сальма Хахук

© Сальма Хахук, 2026

ISBN 978-5-0071-3232-9 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-3233-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
КНИГА ПЕРВАЯ

«ПРОКЛЯТИЕ ЗОЛОТОГО ЗУБА»

**ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ БАР-
ТЕЛЯ ШМИДТА И ЕГО ЛУЧШЕГО ДРУГА ГЮНТЕРА
КЛЯЙНА**

Посвящается всем, кто когда-либо искал ключи в кармане, держа их в руке.

И особенно — Гюнтеру Кляйну, который научил меня тому, что тупость — это тоже дар, если смотреть на неё под

правильным углом.

ПРОЛОГ

Берлин, 14 марта 1926 года. 11:47.

Дождь лил так, будто небо решило утопить город из принципа. Вода стекала по карнизам, заливалась в водосточные трубы, собиралась в лужи на Александерплац и отражала в себе мутный серый свет

— единственное, что осталось от полудня.

В кабинете на третьем этаже старого дома на Фридрихштрассе сидел человек. Он сидел неподвижно уже сорок семь минут — ровно с того момента, как его партия в шахматы с самим собой зашла в тупик. Белые брали чёрных в три хода, но чёрные почему-то отказывались сдаваться. Это раздражало.

Человек был высок, худощав, с длинными пальцами, которые привыкли держать трубку, перо, а иногда — и пистолет. Его звали Бартель Шмидт. Ему было сорок два года. Он носил вечно мятый плащ, который, казалось, был куплен ещё до его рождения, и шляпу, которую никогда не снимал, даже когда спал. Не потому, что лысел — просто шляпа была частью его. Как трубка. Как циничный взгляд. Как привычка говорить

«Гюнтер, ты идиот» не реже двух раз в день.

За окном что-то грохнуло.

Бартель не пошевелился. В Берлине всегда что-то грохало. То машины, то стройка, то очередной политический митинг, заканчивающийся потасовкой. Он сделал ход — пешка пошла вперёд, наплевав на все тактические соображения. Иногда, чтобы выиграть, надо играть как дурак. Этому его научил лучший друг.

Дверь в кабинет распахнулась с таким грохотом, что со стены упал календарь.

— Бартель! — в дверях стоял Гюнтер Кляйн. — Бартель, ратуша! Она... она... — он не мог выговорить. Запыхался. Красный. Очки съехали набок — одна линза треснута пополам, вторая отсутствовала вообще, но Гюнтер утверждал, что «так даже лучше, потому что один глаз видит настоящее, а второй — прошлое».

Бартель медленно повернул голову. Трубка дымилась. Он выждал паузу — умел делать так, чтобы собеседник начинал нервничать раньше, чем произнесёт хоть слово.

— Ратуша, — повторил Бартель без эмоций. — Она стоит на месте уже двести лет. Сомневаюсь, что она исчезла за последние двадцать минут, пока мы с тобой не ви-

делись.

— Она взорвалась! — выпалил Гюнтер. — Я видел! Я был рядом! Я покупал крендель — знаешь, тот, с солью, у того продавца, что всегда стоит у фонтана — и тут БАХ! — Гюнтер широко развёл руками, чуть не сбив с полки стеклянную чернильницу. — И весь верхний этаж

— в дыму! И летят бумажки! И крики! Бартель, это ужасно! Я сразу подумал о тебе!

Бартель поднялся. Медленно. С чувством собственного достоинства, которое не покидало его даже когда он сидел в грязной луже (это случилось однажды — он пытался заглянуть под машину, Гюнтер толкнул дверь, и их обоих окатило водой).

— Ты подумал обо мне, — переспросил Бартель. — Потому что я — известный детектив. Или потому что я вчера сказал, что бургомистр Фогель — мерзкий тип и заслуживает того, чтобы у него что-нибудь взорвалось?

Гюнтер моргнул.

— Вообще-то... я подумал, что ты захочешь пойти смотреть, потому что тебе скучно играть в шахматы с самим собой. И ещё... — он замялся, — там на стене что-то написано. Гвоздями. Я не разобрал, потому что дым, и у меня одна лин-

за, но там буквы... кажется, «Кто ищет»... или «Кто ищет париков»? Или «Кто ищет парики»? А может, «Кто ищет пари»? Там точно была буква «П»... или «Р»... ты уж сам посмотри.

Бартель вздохнул.

— Гюнтер, если там написано «Кто ищет парики», это означает, что у нас в городе орудует банда похитителей париков, и они взорвали ратушу, чтобы отвлечь внимание.

— *А это возможно?* — с надеждой спросил Гюнтер.

— *Нет. Это не возможно. Идиот.*

Бартель затушил трубку, сунул её во внутренний карман плаща, надел шляпу и направился к выходу. Гюнтер, как собака на поводке, потрусил следом. За

спиной у него висел — нет, не рюкзак. На нём был надет спасательный жилет, ярко-оранжевый, с надписью «HAMBURG-SEE» на груди, а сверху, через плечо, висел акваланг — тот самый, который Гюнтер купил на аукционе за двадцать марок, утверждая, что

«в Берлине много каналов, и я должен быть готов ко всему».

Бартель остановился, обернулся и окинул друга взглядом, в котором смешались все оттенки отчаяния.

— Зачем, Гюнтер? Зачем ты надел это сейчас? Взрыв в ратуше. Сухо. На улице дождь.

— Так я предусмотрительный! — гордо выпрямился Гюнтер. — Вдруг они прорвут дамбу? Или — я читал в газете — в канализации водятся гигантские осьминоги. Их завезли из Гамбурга! Я должен быть готов! Я возьму подводный ружьё! — он похлопал по аквалангу. — Правда, там внутри пусто, я забыл зарядить, но если осьминог увидит, что у меня есть ружьё, он испугается!

Бартель закрыл глаза. Посчитал до десяти. Открыл.

— Гюнтер. Осьминоги живут в солёной воде. Берлинская канализация — пресная.

— А это были пресноводные осьминоги! Их специально вывели! — не сдавался Гюнтер.

Бартель ничего не ответил. Он знал: спорить с Гюнтером бесполезно. Это как спорить с дождём о том, что он слишком мокрый. Иногда Бартелю казалось, что Гюнтер намеренно говорит глупости, чтобы вывести его из себя. Но за семнадцать лет знакомства он понял главное: Гюнтер не притворялся. Он был таким. И именно поэтому Бартель держал его рядом.

Они вышли из дома. Дождь хлестал по лицу. Гюнтер тут же попытался надеть акваланг на голову, чтобы не промокнуть, но застрял в лямках и чуть не упал.

— Помоги, Бартель! Я запутался! — закричал он, вертясь на месте.

Бартель даже не обернулся.

— Это твоя битва, Кляйн. Если не справишься — осьминоги тебя съедят.

Гюнтер замер. На его лице появилось выражение глубокой обиды и панического ужаса одновременно.

— Они что, уже выползли? — прошептал он.

— Да. Я вижу одного в той луже, — Бартель мотнул головой в сторону.

Гюнтер подпрыгнул на месте, вырвался из лямок и побежал за Бартеlem, чуть не потеряв очки. Акваланг остался валяться на тротуаре.

— Бартель! Я забыл подводное ружьё!

— Ты и забыл акваланг, — сказал Бартель, не оборачиваясь.

— О! — Гюнтер остановился, посмотрел назад, на акваланг, лежащий в луже, и решил, что отступать нет смысла. — Ну и ладно. Я буду дышать этим! — он похлопал себя по спасательному жилету. — Там есть трубочка.

— Это не трубочка для дыхания. Это клапан для стравливания воздуха.

— Он стравливает? — удивился Гюнтер. — А я думал, он нагнетает. Ну, вдох... выдох... Наверное, я неправильно надел.

Они подошли к Александерплац. Толпа зевак, полицейские кордоны, дым, смешанный с дождём, запах гари и мокрого камня. И — тишина. Не та тишина, когда нет звуков, а та, когда звуки есть, но они приглушены, как будто сам воздух боится лишнего шороха.

На месте ратуши зияла чёрная дыра. Верхний этаж отсутствовал. Стены обуглены, окна выбиты, статуя богини правосудия с весами в руках — та, что стояла на крыше — лежала на площади, разбитая, без головы. Весы уцелели, но одна чаша была пуста, во второй что-то блестело.

Бартель подошёл ближе. Полицейский хотел было остановить его, но узнал и махнул рукой: «Проходите, господин Шмидт. Нам бы вашу помощь».

Бартель кивнул. Гюнтер попытался проскользнуть следом, но полицейский взял его за плечо.

— Эй, а ты куда?

— Я с ним! — Гюнтер ткнул пальцем в Бартеля. — Я его ассистент! Я осьминогий эксперт!

Полицейский посмотрел на спасательный жилет, на отсутствующий акваланг (Гюнтер забыл его в луже), на треснутые очки и вздохнул.

— Иди. Только руки не трогай.

Гюнтер радостно побежал за Бартелем.

— Слышал? Я — ассистент! — сказал он, догнав друга.

— Я тебе говорил, что у меня есть талант!

— Талант позориться, — буркнул Бартель. — Смотри. Он указал на обгоревшую стену. Там, на высоте человеческого роста, гвоздями были прибиты к стене бук-

вы. Кто-то старательно выложил надпись, но делал это явно в спешке — гвозди торчали неровно, некоторые были вбиты до шляпки, некоторые едва держались. Бартель прочитал вслух:

— «Кто ищет — тот найдёт. Кто найдёт — тот умрёт». Гюнтер прочитал и задумался.

— А если ты найдёшь, а потом сразу умрёшь — ты уже не сможешь никому рассказать, что нашёл! — выдал он.

— Это как супер-секретный способ прятать сокровища! Ты сам его прячешь и сам умираешь! Никто не найдёт!

— Гюнтер, это не сокровища. Это угроза, — сказал Бартель, разглядывая надпись.

— А... — протянул Гюнтер. — Тогда почему они не написали просто «Сдохните»? Короче было бы. И гвоздей меньше.

Бартель остановился. Посмотрел на друга в упор. В его глазах заплясали искорки — те самые, которые появлялись, когда он нащупывал нить.

— Гюнтер... — медленно сказал он. — Ты только что сказал нечто гениальное.

— Я? — Гюнтер удивился и даже приосанился. — Я всегда говорю гениальное! Вот в прошлый раз я сказал, что если

сосиски не есть два дня, они становятся твёрдыми — и это оказалось правдой!

— Нет, — Бартель покачал головой. — Ты спросил, почему не написали просто «Сдохните». А ведь и правда, зачем тратить время на такую длинную фразу, если можно было написать короче? Ответ: потому что здесь не просто угроза. Здесь — подсказка. Гвозди вбиты неравномерно. Некоторые торчат, некоторые утоплены. Это — не текст. Это — шифр.

Бартель подошёл к стене вплотную. Дождь смывал сажу, но гвозди держались крепко. Он провёл пальцем по шляпкам — те, что были утоплены глубоко, оставляли под собой мокрую бумагу.

— Здесь что-то есть. Под ними.

Он начал аккуратно вынимать гвозди. Оказалось, что под каждым из них — клочок бумаги, приклеенный к стене сырой штукатуркой. Бумага была исписана — семиугольные фрагменты карты. Бартель вынул их все, сложил на ладони.

— Это карта Берлина. Но не современная — старая. Видишь линии метро? — он показал Гюнтеру. — Здесь есть станция, которой уже нет. Она закрыта в сорок пятом. «Кёнигс-плац-Альт». Сейчас там даже входа нет.

Гюнтер прищурился через треснутую линзу.

— А зачем её прятать под гвоздями? — спросил он.

— Чтобы её нашёл тот, кто догадается, — ответил Бартель. — Кто-то оставил нам карту. Кто-то хочет, чтобы мы пришли именно туда. И не просто так — он оставил семь кусков. Значит, это не один человек. Их семеро. Или один, но он очень любит символику.

— *Может, это масонский знак?* — предположил Гюнтер.

— *Масоны любят семёрки. И гвозди. Я читал! У них есть*

молотки и фартуки!

— У них есть фартуки, Гюнтер, потому что они каменщики. А не потому, что они готовят.

— А, — кивнул Гюнтер. — Ну, я тоже могу носить фартук. Тогда я буду масоном.

Бартель вздохнул, убрал карту в карман и двинулся к центру площади, где лежала статуя богини правосудия. Он обошёл её кругом, заглянул в пустую чашу весов, потом в ту, где что-то блестело.

И замер.

В чаше лежал золотой зуб. Самый настоящий, с коронкой из розового золота, с гравировкой «Ф.Ф. №47». Он блестел

даже под дождём. Бартель поднял его, повертел в руках. Тяжёлый. Настоящий.

— Это... зуб? — спросил Гюнтер, подходя сзади. — Чей же это зуб? Я и не знал, что у богини правосудия есть зубы. В смысле, у статуи? Или она была живой? А если она живая, то она сейчас без головы и с вырванным зубом — это же ужасно!

— Это не зуб статуи, — сказал Бартель. — Это человеческий зуб. Золотой, искусственный. Тот, кто его носил, явно был богат. Или очень ценил свою улыбку.

Он поднёс зуб к свету. Гравировка «Ф.Ф. №47» явно была серийным номером. Значит, зуб был изготовлен на заказ. И если найти дантиста, который делал такие коронки, можно узнать, кому он принадлежал.

— Дантист, — сказал Бартель вслух.

— Что? — переспросил Гюнтер.

— Нам нужен дантист. Тот, кто делал этот зуб.

Гюнтер задумался на секунду, а потом его лицо озарилось идеей.

— Бартель! А если это не человеческий зуб? А если это

— зуб гигантского осьминога, которому его вырвали, и он теперь мстит?! Он взорвал ратушу, оставил свой зуб как предупреждение, а сам скрылся в канализации! Я же говорил про осьминогов!

Бартель посмотрел на Гюнтера. Тот стоял с абсолютно серьёзным лицом.

— Гюнтер, у осьминогов нет зубов. У них есть клюв, как у попугая.

— Ааа... — протянул Гюнтер, разочарованно. — То есть, это не осьминог. А кто тогда? Может, акула?

— В Берлине нет акул.

— А если — пресноводная акула?

Бартель молча развернулся и пошёл прочь.

— Бартель, я пошутил! — крикнул Гюнтер, догоняя. — Я знаю, что это человек! Я просто проверял, слушаешь ли ты меня!

— Не слушаю, — ответил Бартель, не оборачиваясь. Они прошли через полицейское оцепление, оставив позади толпу, дым, разбитую статую и надпись гвоздями. Бартель шёл быстро, Гюнтер — переваливаясь, потому что спасательный жилет натирал подмышки.

— Бартель, куда мы идём?

— В ратушу. Внутрь.

— Но она взорвана! — удивился Гюнтер.

— Нижние этажи уцелели. Там остались вещи Фогеля. Бургомистра. Я хочу посмотреть, что он оставил в своём кабинете.

— Но он же исчез! — Гюнтер догнал Бартеля и пошёл рядом. — Его никто не нашёл. Может, его испарило?

— Люди не испаряются, Гюнтер. Они уходят. Или их уносят.

Гюнтер замолчал. Потом, через минуту, спросил:

— А если его унесли осьминоги?

Бартель остановился. Повернулся к другу. Дождь стекал

по полям его шляпы, капли падали на трубку, которая даже не была зажжена.

— Гюнтер, — сказал он тихо. — Если мы найдём хотя бы одного осьминога в этой истории, я съем свою шляпу.

— С солью? — уточнил Гюнтер.

— С твоей тупостью, — ответил Бартель и двинулся дальше.

Гюнтер постоял секунду, переваривая услышанное. Потом улыбнулся:

— Я же говорил, что я лучший друг! Он даже мою тупость солит!

1 глава

1 ГЛАВА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАБИНЕТ БУРГОМИСТРА

Внутри ратуши пахло гарью, сырой штукатуркой и чем-то сладковатым — Гюнтер сказал, что это «запах денег, которые сгорели». Бартель не стал спорить. Они прошли через главный холл, где висела огромная люстра — теперь она лежала на полу, превратившись в грудку хрусталя. На стенах — копоть. На полу — осколки и бумаги.

Кабинет бургомистра находился на втором этаже, но второй этаж фактически отсутствовал — от него остались лишь балки и обгоревшие стены. Однако, как и предположил Бартель, нижний этаж был цел. Дверь в приёмную была выбита, но сам кабинет — старый, с толстыми стенами — уцелел.

Бартель вошёл. Кабинет выглядел так, будто его не тронули: стол, кресло, сейф, книжные шкафы. И только одно окно было разбито — то, что выходило на площадь.

— Сейф закрыт, — сказал Бартель, подёргав ручку. — Нужен ключ. Или код.

Гюнтер подошёл к сейфу и постучал по нему костяшками.

— А если там внутри... бургомистр? — спросил он.

— Зачем бургомистру прятаться в собственном сейфе?

— Ну, — Гюнтер замялся, — вдруг он боялся осьминогов? Я бы спрятался в сейф! Там металл, они не прогрызут!

Бартель не ответил. Он подошёл к столу и начал перебирать бумаги. Счета. Письма. Приглашения. И — одна странная записка. Она лежала отдельно, на самом видном месте, будто её оставили специально.

Бартель прочитал вслух:

— «Зуб — это не просто кость. Это — ключ к небесам».

Он нахмурился. Та же фраза, что они видели в подземелье. Но как она попала сюда? Или — кто её написал?

— Это почерк Фогеля? — спросил Гюнтер, заглядывая через плечо.

— Нет, — ответил Бартель. — У Фогеля почерк резкий, угловатый. Этот — округлый, женский. Это писала женщина.

— Тогда это жена! — воскликнул Гюнтер. — Или секретарша! Или... или... — он задумался, — или это писал мужчина, но он хотел казаться женщиной!

— Зачем ему казаться женщиной?

— Чтобы его не заподозрили! — уверенно сказал Гюнтер.
— Это классика! Преступник всегда маскируется!

Бартель вздохнул. Но в глубине души он понимал: Гюнтер, как всегда, выдал хаотичную мысль, но в ней могло быть зерно. Преступник мог использовать чужой почерк. Или — женщина могла быть замешана. Семь подозреваемых, и среди них — двое женщин.

— Нам нужно допросить всех, — сказал Бартель. — Тех семерых, что нашли на месте взрыва. Прямо сейчас.

— Всех? — ужаснулся Гюнтер. — А если среди них осьминоги в человеческом обличье? Я видел такое в кино! Они снимают маску, а там — щупальца!

— Гюнтер, если хоть один из них окажется осьминогом, я куплю тебе новый акваланг.

— А мне нужен не новый, — задумчиво сказал Гюнтер.

— Мне нужен тот, что я потерял. Там внутри была наклейка с корабликом. Я её коллекционирую.

— Идиот, — беззлобно сказал Бартель, но в голосе уже появилась тёплая нотка.

Они вышли из кабинета. Бартель оглянулся на сейф. Золотой зуб в его кармане казался теплее, чем был. Он знал — это только начало. Впереди — ночь, допросы, и,

скорее всего, ещё один труп. Потому что такие дела не обходятся без жертв.

Но Бартель не боялся. У него был план, трубка и Гюнтер. И даже если Гюнтер был бесполезен как сыщик, он был незаменим как друг. А для Бартеля это значило больше, чем все разгаданные шифры.

— Гюнтер, — сказал Бартель, когда они вышли на улицу.
— Я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь.

— Какую? — спросил Гюнтер.

— В этом деле — семь подозреваемых. Семь гвоздей. Семь кусков карты. Семь — это число, которое играет роль. Если что-то пойдёт не так — считай до семи. И когда досчитаешь до семи — вспомни, что я

тебе сказал.

— *А что ты мне сказал? — переспросил Гюнтер.*

— *Что ты идиот, — улыбнулся Бартель.*

— *А, это я и так помню! — радостно отозвался Гюнтер.*

— Ты мне это каждый день говоришь. Я даже завёл блокнот, чтобы записывать, сколько раз ты меня назвал идиотом. В прошлом месяце было сто сорок семь раз.

Бартель остановился. Посмотрел на друга.

— *Сто сорок семь, Гюнтер?*

— Ну да. А в этом месяце уже пятьдесят три. Я записываю. Хочу догнать свой рекорд — когда я потерял ключи от дома и попытался открыть дверь ножом, ты назвал меня идиотом восемнадцать раз за один день. Я был горд!

— *Ты не гордый. Ты безнадежный, — ответил Бартель.*

Но голос его дрогнул. Чуть-чуть. Совсем незаметно. Потому что он знал: если кто-то и сможет вывести его из любви передраги — то это человек, который записывает в блокнот количество оскорблений и носит спасательный жилет в сухую погоду.

Они пошли в участок. А за ними — дождь, гарь и загадка, которая перевернёт Берлин с ног на голову.

И ни один из них не знал, что уже через час Гюнтер Кляйн сделает то, что спасёт им жизни.

2 глава

ГЛАВА ВТОРАЯ

«СЕМЬ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОДИН ИДИОТ»

Дождь над Берлином не унимался. Казалось, сам город оплакивал утрату своей ратуши — или, по крайней мере, утрату бургомистра, которого никто особенно не любил, но чьё отсутствие создавало досадные бюрократические неудобства. Капли стучали по мостовой, по крышам автомобилей, по шляпе Бартеля, по спасательному жилету Гюнтера, который тот так и не снял.

— Бартель, — сказал Гюнтер, когда они подходили к полицейскому участку на Александерплац. — У меня чешется левое ухо.

— И что? — Бартель не обернулся.

— Это значит, что сегодня кто-то будет говорить обо мне плохо.

— Гюнтер, о тебе всегда говорят плохо. У тебя чешется ухо круглосуточно.

— Ну, обычно правое чешется. А тут — левое! Это серьёзно! Это значит, что сейчас обо мне скажут что-то особенно гадкое. Может, назовут идиотом?

Бартель остановился, медленно повернулся и посмотрел на друга с тем выражением, которое означало: «Ты сейчас издеваешься или действительно не понимаешь?».

— Гюнтер, я называю тебя идиотом в среднем двадцать три раза в день. Это не событие. Это ритуал. Как чистка зубов.

— Я не чищу зубы, — обиженно ответил Гюнтер. — У меня есть зубы, но я их не чищу. Я их тру рукавом. Это экономит воду.

— Идиот, — сказал Бартель с привычной интонацией и вошёл в участок.

Гюнтер, сияя, пошёл следом.

— Слышал? Он сказал «идиот»! Значит, день начался хорошо! Уже двадцать три раза впереди!

В участке было шумно. Полицейские бегали с папками, телефоны трезвонили, пишущие машинки стучали, и в воздухе витал характерный запах — смесь кофе, перегоревших

ламп и отчаяния. Бартель направился прямо к кабинету комиссара Мюллера, своего старого знакомого, который, как и все в этом участке, уже давно махнул рукой на бюрократию и делал только то, что считал нужным.

— Бартель Шмидт! — воскликнул Мюллер, вставая из-за стола. — Я уже слышал, что ты там был. В ратуше. Нашёл что-то?

— Нашёл, — коротко ответил Бартель, садясь на стул.

— Карту, золотой зуб и чувство, что нас водят за нос.

— Зуб? — переспросил Мюллер, хмурясь. — Какой зуб?

Бартель вынул из кармана золотую коронку и положил на стол. Мюллер поднёс её к свету, повертел, присвистнул.

— Дорогая вещь. Такие делают только в двух клиниках в городе. У Штольца и у Брауншвейга.

— Штолец, — сказал Бартель, и его глаза сузились. — Это дантист. Один из подозреваемых, которых вы задержали сегодня.

— Верно. Доктор Манфред Штолец, — кивнул Мюллер.

— Сидит в камере номер три. Плачет. Говорит, что ничего не знает.

— Все так говорят, — заметил Бартель. — А что другие?

— Семь человек. Как ты и просил. Всех собрали. Ждут допроса. Но большинство из них уже отпущены — у них алиби, или просто нет смысла держать. Остались только двое — Штольц и эта женщина, секретарша.

Остальные разошлись. Бартель резко поднялся.

— Отпущены? Все семь? Ты с ума сошёл, Мюллер? Я же просил никого не отпускать!

— Но у них алиби, Бартель! — развёл руками комиссар.

— Девочка играла на скрипке на сцене — её видели сто человек. Монах — его вся церковь знает. Журналист — он интервью брал, всё на камеру записано. Жена бургомистра была в другом конце города на благотворительном балу. Начальник охраны — он был на входе, его все видели. А Штольц...

— Штольц был в своём кабинете, — перебил Бартель.

— Я знаю. А седьмой? Кто седьмой? Мюллер замялся.

— Ну... садовник. Густав. Он ухаживает за клумбами перед ратушей. Его задержали, потому что у него в руках были ножницы и он выглядел подозрительно, но он просто обрезал розы. На нём нет следов пороха.

Бартель закрыл глаза. Потом открыл.

— Мюллер. Ты что, не понимаешь? Они все могут быть невиновны. Дело не в том, кто подложил бомбу. Дело в том, кто исчез. Бургомистр Фогель. Тот, чей зуб лежит в весах. Он сам подстроил взрыв. Ему нужны были свидетели — семь человек — чтобы создать алиби для себя.

— *Но зачем?* — удивился Мюллер.

— Затем, что он украл что-то. Деньги, документы, секреты — неважно. Важно то, что он оставил карту. Ведёт к старому метро. Там — тайное место. И он хотел, чтобы кто-то туда пришёл. Чтобы найти его.

Гюнтер, который всё это время стоял в углу и пытался надуть спасательный жилет, потому что «там кончился воздух», вдруг поднял голову и сказал:

— То есть... бургомистр хочет, чтобы мы его нашли?

— Да, — ответил Бартель.

— И если мы его найдём... мы умрём?

— Так написано на стене.

Гюнтер задумался. Его лицо приняло выражение глубокого мыслительного процесса, который обычно заканчивался чем-то неожиданным.

— А если... — медленно сказал он, — если мы найдём его не мы, а кто-то другой? Кого не жалко? Например, полицейского? Пусть полицейский умрёт, а мы просто посмотрим со стороны! Мы же не будем умирать, если он умрёт!

Бартель и Мюллер переглянулись.

— Гюнтер, — сказал Бартель, — ты только что предложил отправить полицейского на смерть, чтобы спасти себя.

— Ну да. А что? Он же получает зарплату. Он же профессионал.

Мюллер шумно выдохнул и посмотрел на Бартеля.

— Это твой друг, Бартель. Самый бестолковый, но твой. Я даже не знаю, как ты с ним работаешь.

— Мне скучно, — пожал плечами Бартель. — Гюнтер развлекает. Как цирк, только без животных.

— У меня есть животные, — обиженно сказал Гюнтер.

— У меня есть хомяк. Он умер в прошлом году, но я его храню в коробке из-под обуви. На всякий случай. Может, он ещё оживёт.

— Зачем тебе мертвый хомяк? — устало спросил Мюллер.

— Для компании! — ответил Гюнтер. — Он слушает меня лучше, чем Бартель. Он никогда не перебивает и не называет меня идиотом. Правда, он не двигается и не пахнет так же хорошо, как раньше...

Бартель поднялся и взял шляпу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.